

БОРЬБА БЕЛОРУССКОЙ МИЛИЦИИ С ПОДРОСТКОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В НАЧАЛЕ 50-х гг. XX в.

Порожденная военными бедствиями детская безнадзорность и беспризорность благодаря усилиям государственных органов, и в частности милиции республики, к концу 40-х гг. пошла на спад. Значительно уменьшилось количество беспризорных и безнадзорных, задерживавшихся органами милиции. С началом освобождения республики осенью 1943 г. от немецко-фашистских захватчиков и в первые послевоенные годы подавляющее большинство беспризорных, сирот и несовершеннолетних правонарушителей составляли дети – жертвы оккупации и политики геноцида, проводившейся гитлеровцами. Среди беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних было много детей и сирот воинов Красной Армии и партизан. В октябре 1944 г. из зарегистрированных 4696 беспризорных и безнадзорных было 2150 детей воинов Красной Армии и 399 детей партизан. В течение 1944–1949 гг. сотрудниками милиции сироты активно изымались с улиц и через приемники-распределители НКВД – МВД устраивались в детские дома, приемные семьи, на патронат и др.

В начале 50-х гг. по мере ухода в прошлое последствий войны на первый план в абсолютном и процентном отношении среди источников безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних выходили другие причины. Существенную долю среди беспризорных и безнадзорных составляли дети-сироты или имевшие одного родителя, прибывшие в Белоруссию из других республик СССР. Это в значительной мере осложняло криминогенную обстановку в республике, несло дополнительную нагрузку милиции. В 1950 г. около 30 % от общего числа задержанных сотрудниками милиции в публичных местах и поступивших в приемники-распределители составляли беспризорные дети, прибывшие из других областей и республик СССР: из Смоленской прибыло 335 человек, Великолукской – 168, Брянской – 136 и Ленинградской – 136 человек. Определенное снижение количества подобных детей отмечено лишь в начале 50-х гг. Только за первые девять месяцев 1953 г. в приемники-распределители БССР из 4587 детей 812 детей, или 17,7 %, поступило из других республик: Украины, Литвы, Брянской, Великолукской и Смоленской областей РСФСР. Причины, заставлявшие детей скитаться по стране, выяснялись сотрудниками МВД в личных беседах и в обобщенном виде сводились к поискам приключений, пропитания, родственников, попыткам выехать в Германию или Польшу, «посмотреть мир» и др. Большинство подобных «мигрантов» прибывали по железной дороге, что заставляло МВД неоднократно обращать внимание на отсутствие порядка и контроля на железной дороге.

Не способствовали наведению порядка неудачные организационные ведомственные решения конца 40-х гг. – о передаче милиции, войск по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог и транспортной милиции из состава МВД в МГБ. Помимо этого, с мая 1951 г. войска МВД по охране железных дорог были расформированы, а охрана железных дорог перешла к военизированной охране министерств и ведомств. Все это потребовало от сотрудников милиции искать и использовать эффективные способы противодействия детской миграции.

Одной из действенных мер, предпринятых сотрудниками милиции, была организация специальных заслонов из представителей милиции, железной дороги и ГО-РО МВД в крупных узловых станциях – Орше, Витебске, Полоцке, Жлобине, Осиповичах и др.

Другим важным средством стала активизация работы детских комнат милиции. Бесконтрольное перемещение большого количества детей и подростков по железным дорогам значительно прибавило работы сотрудникам приемников-распределителей МВД и детских домов. В 1952 г. в Витебский приемник-распределитель поступил 321 ребенок из других областей БССР, в Минский – 521, Барановичский – 112 детей. В 1953 г. в приемники-распределители Гомельской области из поступивших 562 детей свыше 70 % было из других областей БССР. В белорусские приемники-распределители поступали дети из Алтайского края, Свердловской, Архангельской и других отдаленных областей.

Большую роль в пресечении подростковой миграции сыграли детские комнаты милиции, особенно функционировавшие на транспорте. Еще в ноябре 1946 г. НКВД СССР в директиве № 277 предусматривал открытие в кратчайший срок детских комнат милиции на железнодорожном транспорте. МГБ СССР в июне 1950 г. предписывало, что детские комнаты милиции действуют при отделениях милиции и линейных отделах охраны МГБ на транспорте. На начало 1950 г. в республике было 40 детских комнат милиции, из них территориальной милиции 24 и охраны МГБ на железнодорожном транспорте 16.

Сотрудники детских комнат широко и успешно привлекали общественность. Во втором квартале 1950 г. в работе детских комнат милиции по изъятию беспризорных и безнадзорных детей приняли участие 97 комсомольцев, 165 учителей, 44 представителя родительской общественности. Были организованы дежурства учителей и комсомольцев в Бресте, Барановичах, Гомеле, Могилеве и других городах. К середине 50-х гг. по мере существенных изменений социально-экономической обстановки в стране, наведения порядка на транспорте и повышения эффективности служебной деятельности правоохранительных органов подростковая миграция прекратила существование как источник детской безнадзорности, беспризорности, преступности и как явление.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ПОЛЕ ПРАВОВОГО СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

В правоведении всегда существовали вопросы, разрешение которых сопровождалось горячими и бескомпромиссными дискуссиями. К числу таковых, без сомнения, может быть отнесен вопрос о понятии судебной практики, по которому у юридической науки нет однозначного ответа, ученые придерживаются разных, порой взаимоисключающих, точек зрения.

В современной юридической науке можно выделить два основных подхода к пониманию судебной практики: судебная практика как источник права; судебная практика как источник правовых идей (идейно-смысловой источник права).

Определяя судебную практику, необходимо обратиться к этимологической трактовке понятия «практика» (гр. *praktikos* – деятельный, активный). Современный толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова предлагает шесть трактовок понятия «практика», анализ которых позволяет рассматривать данную категорию: 1) как деятельность (практика – это «совокупность деятельности людей, направленной на освоение и преобразование природы и общества, составляющая движущую силу развития общества и человеческого познания»; «применение каких-либо знаний, навыков, систематическое упражнение в чем-либо»; «деятельность врача или юриста»); 2) как результат этой деятельности (практика – «накопленный опыт, совокупность приемов и навыков в какой-либо деятельности»). Аналогичное понимание практики содержится и в толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

В свою очередь, большой юридический словарь под редакцией А.Я. Сухарева не раскрывает понятий «практика» и «судебная практика», однако дает разъяснение термину «юридическая практика», позволяющему сформировать представление о судебной практике. Так, под юридической практикой понимается «деятельность по изданию, толкованию и реализации юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным социально-правовым опытом». Помимо определения юридической практики, в данном словаре предложена ее классификация. Так, в зависимости от характера, способов преобразования общественных отношений различают правотворческую, правоприменительную, распорядительную, интерпретационную и другие типы юридической практики, а по субъектам – законодательную, судебную, следственную, нотариальную и др.

Анализ вышеуказанных этимологических трактовок судебной практики оказал определенное влияние на формирование позиций таких исследователей, как М.А. Рожкова, О.Н. Коростелкина и П.А. Гук. Абстрагируясь от частных (особенностей позиций каждого из ученых)